

Шмуэль Йосеф Агнон. Из «Книги деяний»

СПРАВКА

Три дня я провел в департаменте серого министерства. Один мой родич, о котором я никогда прежде не слыхал, написал мне из города, о существовании которого я и не подозревал, и попросил получить для него справку, от которой зависит вся его жизнь.

Я опасался за свое горло и за весь свой организм, но все же встал пораньше и пошел за справкой; я полагал, что получу ее без задержки и снова вернусь в постель, чтобы не дать развиться недугу, который донимал меня всю зиму, а в тот день будто нарочно пробудился во мне с новой силой.

Когда я вошел в департамент, покорность судьбе и чувство собственного достоинства равно были со мной. Явился я рано, и ни единый человек не встретился мне там, оттого я был уверен, что все пройдет как гладко и мне выдадут нужную справку.

Тут департамент почтила своим присутствием уборщица и подняла пыль. Дыхательные пути мои сделались непроходимыми, голос пресекался. Повременю, сказал я себе, покуда прочистится мое горло, ведь иначе служащий не поймет, о чем я прошу, и все мои усилия будут напрасны.

Покуда я стоял, департамент наполнился людьми. Они протискивались туда-сюда или стояли с угрюмой и упрямой покорностью и с нетерпением и вождедением смотрели на чиновников и чиновниц, сидевших за своими обшарпанными столами и водивших серыми перьями по страницам учетных книг и ведомостей. Разок-другой и я проталкивался то к чиновнику, то к чиновнице и перед каждым склонял смиренно голову в надежде, что обратит на меня внимание и спросит о моей нужде. Но они меня не замечали и, стоит ли добавлять, ни о чем не спрашивали. И даже хорошо, что не спрашивали, потому что если б и спросили, вряд ли бы я смог им что-либо сказать, ведь горло у меня все еще саднило от пыли.

Так прошел день и так прошел второй. С раннего утра и до позднего вечера я простаивал в департаменте министерства. Ноги мои сделались тяжелы, будто каменные, и душа истомилась. По временам я переходил с места на место, попадал то в одну комнату, то в другую, оказывался то перед служащим, то перед служащей, и снова меня выталкивало в приемную, где начались мои мытарства. Чиновники сидели все так же: взоры их были устремлены в бумаги, перья строчили и строчили себе не переставая, часы тускло отбивали время, стрелка едва ползла, описывая круги, и прилипшая к ней дохлая муха ползла вместе с нею.

На третий день мне немного полегчало. Некий чиновник умер, и на его место заступил другой. Новый чиновник по имени Нахман Хорданкер¹, светловолосый, грузный молодой человек, за чистыми очками которого глядели добрые глаза. По имени, по чертам и по неуклюжим повадкам я

¹ Нахман (*иврит*) означает «утешитель», данкер (*идиш*) – «благодаритель», а денкер (*идиш*) – «мыслитель». Ивритская приставка «хор» – дыра (сравни с дырой на платье героя в рассказе «По дороге к врачу») – может придать имени смысл «утешитель неумеющего благодарить» или «утешитель неумеющего мыслить» или объединить оба эти смысла вместе.

распознал в нем земляка. Стоит мне только объявить во всеуслышание, что я из Галиции, – и все преимущества на моей стороне. Но смутное ощущение, некое нравственное чувство помешало мне это сделать. Я сдержался и промолчал. Нездоровье мое усиливалось, и все мои мысли сосредоточились на нем. В ту зиму я болел дважды, и оба раза хвороба начиналась именно так: язык обложен, в горле першит, губы сухие и обветренные. Эти первые признаки болезни появились сегодня снова, глаза заволокло туманом, лоб покрыла испарина, горло свербило. Я достал из кармана сигарету и закурил. Не успел выкурить одну, как зажег другую. Я уже позабыл, зачем пришел в этот департамент и зачем я стою тут, зачем сучусь и толкусь и перехожу из комнаты в комнату, от чиновника к чиновнику.

Вдруг я услышал какой-то звук, и сразу моей левой ногой стало просторно в ботинке. Я нагнулся и увидел, что лопнул шнурок. Не успел я его связать, как меня окликнули по имени. Подняв глаза, я увидел какого-то человека, который сидел себе один за маленьким, крытым облезлой черной клеенкой столиком, а по обе стороны от него возвышались груды бумаг. На сосредоточенном лице его приветливо улыбались глаза. У меня потеплело на сердце, и я обрадовался, как радуется человек, повстречав кого-то, с кем был знаком еще до войны. Он тогда был аптекарем в нашей городской больнице и когда я приходил навещать болеющих, наливал мне стаканчик содовой воды. Аптекарь поднял голову и предложил мне сесть. Великая эта человечность, им проявленная, возвысила меня в собственных глазах, но мысли мои не позволили мне усесться, так как стул был завален бумагами.

Аптекарь вынул плитку шоколада и предложил мне. Я подумал: вот уже три дня и три ночи не видал я ни жены, ни детей, и они наверно сердятся на меня, теперь умилю их шоколадкой. Только протянул руку, как понял, что он вовсе не предполагал дать мне целую плитку. Устыдился я, что позарился на большее, чем мне предназначалось. Лицо мое покраснело, и глаза опустились долу.

Приподнял я взгляд и увидел, что рядом с моим знакомцем сидит один профессор. Короткая желтоватая борода, тяжелая трость зажата между коленями и лукавая улыбка притаилась в уголках губ. Я склонил почтительно голову и поздоровался. Он схватил меня за руку и воскликнул: великое открытие удалось мне совершить! Буква «*ламед*» в таком-то слове, про которую весь мир говорит, что она корневая, не имеет к корню никакого отношения, и ее следует заменить на другую. Речь профессора была мне ясна, и то слово было полностью растолковано, но мне почему-то казалось, что он говорит о слове «*хефкер*», т.е. безнадзорность, в котором хочет заменить букву «*фей*» на «*бейт*». Я расстроился и опечалился, потому что буква «*фей*» выглядит синей, а буква «*бейт*» – мрачной. Между тем затеплился новый день, и я знал, что где-то на краю стола мой знакомый положил для меня ломоть хлеба, только не видел, где именно. Тем временем рядом снова начали толкаться люди. Меня вынесло на улицу, и я оказался на большом балконе, лицом к лицу с безбрежным морем.

Перевела с иврита Зоя Копельман